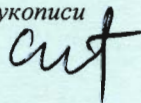

На правах рукописи

Тунин Антон Евгеньевич

**НОВОГРЕЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С БАЛКАНОСЛАВЯНСКИМИ:
СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА**

Специальность

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте славяноведения Российской академии наук в Отделе типологии и сравнительного языкознания

Научный руководитель:

доктор филологических наук Ирина Александровна Седакова
(Институт славяноведения РАН,
Отдел типологии и сравнительного языкознания,
руководитель Центра лингвокультурных исследований BALCANICA)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Светлана Михайловна Толстая
(Институт славяноведения РАН,
зав. отделом этнолингвистики и фольклора)

кандидат филологических наук Александра Алексеевна Евдокимова
(Институт языкознания РАН,
научный сотрудник сектора компаративистики)

Ведущая организация: **Учебно-научный Центр типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета.**

Защита состоится **29 мая 2012 г.** в **15.00 час.** на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте славяноведения РАН по адресу: 119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН (9-й этаж, к. 923)

Автореферат разослан 13 апреля 2012 г.
и размещен на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru>

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук

И.Е. Адельгейм

© Институт славяноведения РАН, 2012 г..

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена анализу новогреческой энигматической традиции в балканской перспективе с акцентом на греческо-славянские параллели. В центре внимания находятся новогреческие загадки¹, которые последовательно рассматриваются в *балканском*, славянском и неславянском контексте с привлечением загадок македонской, болгарской, албанской и турецкой традиций.

Актуальность настоящей работы обусловлена с одной стороны, малоизученностью новогреческой загадки – исследуемые в диссертации тексты ранее в России практически не вводились в научный оборот, с другой стороны, насыщенностью загадки данными, которые могут быть использованы в реконструкции мировоззрения и картины мира. Исследования, специально посвященные новогреческим (как и другим балканским) загадкам остаются немногочисленными. В то же время в последние годы наблюдается рост интереса к новогреческому фольклору в России (ср. работы К.А. Климовой, С.А. Сидневой, О.В. Чехи). Особое значение получает сопоставительный анализ загадок балканских традиций с учетом идей В.Н.Топорова, Т.В. Цивьян и других ученых о существовании балканской модели мира, развивающего идею балканского языкового союза. Отметим и особую роль новогреческой традиции как составляющей балканской картины мира, поскольку язык, культура и мифология греков оказали существенное влияние на славянские и неславянские *балканские* традиции. Данные греческо-славянских схождений (особенно в зонах непосредственного контакта, например, во Фракии) в этом ракурсе весьма существенны. В балканском контексте должна быть привлечена и турецкая энигматическая традиция, исторически оказавшая большое влияние на формирование балканской модели мира (в том числе и на этнолингвистическом уровне).

Предметом исследования являются структура, лексика, семантика и образная система новогреческих загадок, а также ареальная дистрибуция новогреческого энигматического массива. В качестве сопоставительного материала широко привлекаются сопредельные

---

¹ Под загадками понимаются «настоящие [фольклорные] загадки» (true riddles) по классификации А. Тейлора.

славянские энigmatические традиции, в первую очередь македонская и болгарская, составляющие *sub specie* типологии ядро балканского языкового союза.

В ходе исследования применялись методы структурно-типологического, ареально-типологического, этнолингвистического анализа, разрабатываемые московской школой этнолингвистики и московско-гартуской семиотической школой.

Теоретической базой для диссертации послужили работы ряда российских и зарубежных исследователей в области паремиологии, семиотики, этнолингвистики и фольклора (В.Н. Топорова, Вяч.Вс. Иванова, Т.В. Цивьян, Т.М. Николаевой, С.М. Толстой, Н.И. Толстого, З.М. Волоцкой, И.А. Седаковой, Т.А. Агапкиной, Е.Л. Березович, А.Ф. Журавлева, А.А. Плотниковой, А.Н. Журинского, Н.Г. Политиса, Х. Хатзитаки-Капсомену, А. Дандеса, Э. Кенгес-Маранды, Б. Сикимич, С. Стойковой, и др.).

В качестве **основных источников** были использованы три фундаментальных сборника загадок: греческих Х. Хатзитаки-Капсомену², болгарских Ст. Стойковой³ и турецких И. Башгеца и А. Титце⁴, а также сборник македонских загадок К. Пенушлиского. Эти сборники включают в себя материалы множества разрозненных и нередко труднодоступных публикаций загадок соответствующих традиций, что делает их уникальными по охвату и репрезентативности. В качестве дополнительных источников были использованы некоторые региональные сборники македонских загадок (Ф. Каваева, М.К. Цепенкова), а также сборник албанских загадок Х. Трнавци и А. Четы, не являющийся репрезентативным для всей албанской традиции, но позволяющий выделить ряд энigmatических параллелей.

---

² *X. Χατζητάκη-Καπομένου*. Θησαυρός Νεοελληνικών Αινιγμάτων. 3-η έκδοσι. Πρακλείο, 2004.

³ *С. Стойкова*, България народни гатанки. Държавно издателство наука и изкуство. София, 1984. Стоит отметить, что в данный сборник в значительной степени включен и македонский материал.

⁴ *I. Başgöz, A. Tietze*. Bilmece: A Corpus of turkish Riddles. Berkeley - Los Angeles - London, 1973.

Цель работы — комплексный анализ новогреческой энигматической традиции в сопоставлении с болгарской и македонской, с учетом албанской и турецкой традиций.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- Анализ энигматической структуры и принципов загадывания в новогреческой загадке (апробация существующих теорий на греческом материале).
- Структурно-семантический анализ основных тематических групп новогреческих загадок (космология, неживая природа, флора) с привлечением в качестве сопоставительного балканославянского и турецкого материалов. Выявление греческо-славянских параллелей, в том числе лексических.
- Выявление и интерпретация элементов балканской картины мира (БКМ) в выделенных тематических группах загадок, определение «балканских» денотатов.
- Ареальный анализ греческого энигматического корпуса.

Научная новизна состоит в первую очередь во введении в научный оборот ранее не изученного новогреческого энигматического материала, в детальном его анализе, а также в сопоставлении его с болгарским, македонским и турецким фольклорным материалом.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в научный оборот вводится новогреческий материал, анализируемый в сопоставительном ключе с широким привлечением болгарской, македонской и турецкой энигматических традиций, выявляются и интерпретируются фольклорные балканизмы⁵ с применением этнолингвистических, семиотических и ареальных методов.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы для сопоставительного анализа загадок, относящихся к разным традициям, а также для изучения

---

⁵ Стоит отметить, что данное понятие в науке окончательно не определено. В данной работе под балканизмом понимается явление, встречающееся хотя бы в двух традициях, входящих в балканский языковой союз.

балканской картины мира. Представленный в диссертации материал и теоретические выкладки могут быть использованы в курсах лекций высшей школы по новогреческому языку и фольклору, балканистике и лингвокультурологии, а также в рамках школьного и дошкольного образования, как интеграционного (в случае детей иммигрантов), так и призванного сохранить этническое самосознание (в случае т.н. «малых народов»).

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на научных конференциях по этнолингвистике, фольклористике, неозллинистике и балканистике: международной конференции «Балканские чтения 2011 «Балканский спектр: от света к цвету» (Институт Славяноведения РАН, 2011), международной конференции по классической, византийской и новогреческой филологии памяти И.И. Ковалевой (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, май 2011), II конференции «Традиционная культура современной Греции» (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 12 декабря 2009), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.), XL Международной филологической конференции, секции балканистики (СПбГУ, 2011).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения, в которое включены картографические и лексикографические материалы.

Основное содержание работы и выводы исследования

Во **Введении** определяется предмет исследования, формулируются цели и задачи, подробно описываются использованные источники и структура работы.

В первой главе «**История вопроса. Загадка как жанр. Терминологические замечания**» дается обзор истории публикаций и изучения загадки, формулируется определение жанра, приводятся терминологические замечания.

Первые публикации болгарских и греческих загадок, появившиеся во второй половине XIX века, преследовали дидактические

или развлекательные цели, а сами загадки подвергались редакторской правке. К середине XX века наблюдается количественный и качественный рост публикаций загадки, логичной вершиной которого стал выход фундаментальных академических сборников загадок рассматриваемых традиций.

В исследованиях загадок в новейшее время можно выделить три основных направления. С одной стороны, продолжается разработка структурной типологии загадки, начатая Р. Петшем и продолженная в работах А. Тейлора, Р. Джорджеса, А. Дандеса, Ц. Тодорова, Т. Грина. С другой стороны, эти теоретические наработки проходят апробацию на материалах экзотических традиций Азии, Америки и Африки, в которых жанр фольклорной загадки еще активно функционирует. Третье направление, сформировавшееся в работах представителей московско-тартуской семиотической школы, отличается особым вниманием к языку загадки, ее прагматике и связи с пословицей.

Жанровое определение загадки представляет собой отдельную научную проблему. В качестве рабочего определения в диссертации было принято понимание «традиционной» загадки как одного конкретного типа вербальных энигматических текстов, имеющих вопросо-ответную структуру, фольклорное бытование и соответствующий отмеченный контекст исполнения. Вопросная часть таких загадок может быть расшифрована, а следовательно, и отгадана⁶, без привлечения экстралингвистических знаний и умений.

С проблемой определения жанра тесно связаны вопросы происхождения и функционирования загадки. Загадка развивается в тесной связи с системой табу и «тайных языков», никогда не теряя при этом своего состязательного игрового начала (подробнее об этом см. текст диссертации, стр. 40). С другой стороны, загадка является одним из важнейших каналов хранения и передачи информации о мире между поколениями (ср. загадывание загадок детям). Важно, что ритуалы загадывания загадок приурочены к обрядам перехода (не только календарным, но и к свадьбе, похоронам). На Балканах загадки связаны также с гаданиями и входят в состав календарных мантических обрядов *клюдон* (греч.) и *ладуване* (болг.).

Загадка является полифункциональным жанром, что

---

⁶ В науке до сих пор нет единого мнения, может ли загадка быть именно отгадана, или же правильный ответ должен быть известен заранее.

обуславливает с одной стороны ее изменчивость, позволяющую ей приспосабливаться к различным культурным реалиям, не теряя при этом своих основных признаков, а с другой стороны – практически повсеместное ее распространение. В качестве основных функций загадки как жанра стоит выделить:

- *образовательную*: игра в загадки обучает детей метафорическим моделям языка, принципам перекодировки, развивает образное мышление;
- *когнитивную*: загадка устанавливает связи между понятиями; предлагая отгадчику сделать правильный выбор, классифицирует их; и таким образом может осваивать новые для данной традиции понятия и когнитивные пространства; когнитивная функция загадки предопределяет то, что в энигматических текстах отражается языковая картина мира как продукт структуризации мира языком.
- *социализующую*: загадка используется в качестве одного из инструментов проверки «свой-чужой», вскрывая владение (или не владение) отгадчика основными категориями культуры; может ратифицировать и устанавливать инновации; легитимизировать установленный миропорядок и устройство общества, закрепляя авторитет «мудрецов» перед детьми, не способными отгадать бабушкину загадку;
- *развлекательную*, доставшуюся загадке в наследство от игры, но не терявшую актуальности на протяжении всей истории развития энигматического жанра.

В процессе семиотического и этнолингвистического анализа загадки активно используется понятие кода, которое прочно вошло в научный обиход благодаря Ф. де Соссюру и другим лингвистам. Применительно к фольклору С.М. Толстая⁷ считает код «вторичной знаковой системой, использующей разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания».

Коды, используемые загадкой, можно с большой долей условности разделить на три группы:

- *параметрические коды*, коды объективных свойств, напрямую

⁷ С.М. Толстая. Семантические категории языка и культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010 С. 23.

описывающие признаки денотата: цветовой код, числовой код, код материалов;

- *природные* коды, оперирующие понятиями, связанными с 'природой', то есть не созданными человеком объектами окружающего мира: географический код, растительный код, зооморфный код, телесный код;
- *культурные* коды, связанные с культурой как пространством освоенного человеком мира: пастушеский код, социальный код (код терминов родства), гастрономический код, архитектурный код.

Усвоение кодов, «работающих» в модели мира, необходимо в дидактических целях, а проверка знания таких соответствий входит в инициационные обряды (свадебный комплекс и пр.) и соотносится с социализующими и дидактическими функциями загадки.

Вторая глава – «Структура новогреческой загадки». Загадка обладает двухчастной вопросо-ответной структурой, подразумевающей как минимум двух участников исполнения загадки, загадчика и отгадчика, и семантическое соответствие загадки-вопроса и отгадки-ответа, в случае если отгадчику удалось воспроизвести отгадку, признаваемую традицией верной.

При этом отгадка не обязательно имеет предметный характер, чаще всего за текстом загадки скрывается яркая и цельная образная картина – Исходная Ситуация. Понятие ИС было сформулировано и разработано А.Н. Журинским⁸. Выбор ИС, которая для классической загадки является типичной ситуацией в рамках соответствующей модели мира, то есть не содержит ничего экзотичного для носителя, продиктован интересом загадки к определенным темам и денотатам.

Синтез энигматической структуры можно разделить на два этапа. На первом происходит кадрирование исходной энигматической ситуации, разрушение старых границ между денотатами и проведение новых, а также выборка аксиологически ценных признаков денотатов. На втором, номинационном, происходит кодирование полученной на первом этапе сюжетной модели, ее языковая реализация.

Кодирование может идти двумя путями: использование точного,

---

⁸ А.Н. Журинский. Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла. М., 1989.

закрепленного за кодируемым денотатом в языке термина – в этом случае мы имеем дело с первичной номинацией; или же – использование нового, непривычного термина – тогда номинация вторична. В следующей загадке цветовые характеристики являются примером первичной номинации, в то время как номинация собственно денотатов вторична:

Црвена глава, зелена полупка (чукундур),

'Красная голова, зеленая крышка (свекла)' (Стойкова 1984: 983).

Первичная номинация используется не только в качестве «подсказки». В некоторых случаях прямое описание может акцентировать внимание на противоречивости признаков самого денотата, указывать на его функцию или же давать ему эмоциональную характеристику:

Ένα καλοεράτσι πάνω σ' ένα βουναλάτσι θέλει ένα ψωμί τσι αλάτσι, πάνω στη φωτιά να κάτσει (μανιτάρι),

'Монашек на вершине горки хочет хлеба и солцы, на огонек сесть (гриб)' (349.4ς)⁹.

Вторичная номинация может быть обусловлена:

- *синтаксически* (и тогда термин максимально десемантизирован и функционально заполняет синтаксические лакуны в тексте загадки):

Απ' εδώ και στα Χανιά γλέπω τη θειά μου και γελά (φωτιά),

'Отсюда и до Ханьи вижу, как смеется моя тетья (огонь)' (718.10α');

- *метафорически* (термин-субститут и денотат обладают общей семой в контексте энигматической ситуации):

Δώ φωλιάζω τ' κότα, και κεί πέρα βρίσκω τ' αυγά (κολοκυθιά),

'Здесь сажая в гнездо курицу, а там дальше нахожу яйца (тыква-растение)' (274.2α');

- *текстуально* (выбор термина, чаще всего не существующей в языке единицы – энигматического неологизма, обусловлен ритмом, рифмой или звукописью):

Κρέμνεται κρεμνάντουλος με τα κρεμναντόπουλα, αλαβάρτ' αλαβάρτου, αλαβάρτόπουλον (το κεντηνάρι),

'Висит всячек с висятами'¹⁰, алаварт-алаварту, алавартенок'¹¹

⁹ Все греческие загадки приводятся с указанием их номера в сборнике Х. Хатзитаки-Капсомену.

¹⁰ Κρεμνάντουλος и κρεμναντόπουλα – неологизмы от «κρεμάω» 'вешать'.

¹¹ Неологизмы без установленной этимологии, возможно, от βάρτακα 'гирьки' (Καψωμένου 2004: 658).

(*весы*)' (162.10α').

Окказиональная вторичная номинация также может содержать указания на реальные признаки денотата, таким образом сочетая признаки первичной и вторичной номинации, подобно тому, как мы видим в вышеприведенной загадке о весах.

На уровне плана выражения, загадка представляет собой строго структурированный текст, она обладает внутренней ритмической и метрической структурой, использующей по большей части известные народной поэзии других жанров размеры (например, для греческой традиции – «политический» стих). Дополнительно могут использоваться рифмы, в том числе архаичная рифма субститут-денотат, что наряду с общей ограниченностью текста является яркой особенностью загадки как жанра:

Δαχτυλίδι πύρουτό, πύρουτό, κατάρουτό, απ' του πύρου ελίσι, τίλουτα δεν έλαθι (φίδι),

*'Кольцо, похожее на башню*¹², башню, [кольцо] изогнутое, с башни упало, совсем не пострадало (змея)' (698.1β').

Балканославянские и турецкие загадки разделяют с новогреческой сформулированные выше особенности структуры: в них также наблюдается первичная и вторичная номинация, стремление к метрической организации текста, активное использование рифмы и неологизмов.

В третьей главе диссертации, «Семантика новогреческой загадки», рассматривается структура образов и принципы кодирования в трех важнейших тематических группах новогреческих загадок: космологические, включающие в себя астрономические и календарные, загадки о явлениях природы, загадки о растениях. Загадки рассматриваются в сопоставлении с балканославянскими и турецкими, а также с другими жанрами новогреческого фольклора, что позволяет выделить потенциальные источники энигматических образов и ряд интертекстуальных параллелей в рассматриваемых традициях, в том числе потенциальные балканизмы.

Тематические группы денотатов рассматриваются как

¹² По всей видимости, здесь имеет в виду не столько некоторое сходство формы, сколько подобие текстуры поверхностей: чешуя змеи = кирпичная кладка.

структурные элементы единого энigmatического макротекста. Каждая тематическая группа представляет собой определенный уровень, на котором реализуется ограниченный набор текстов и оппозиций картины мира: начиная от максимально масштабного макрокосмического уровня (космогонические загадки), в наивысшей степени «неосвоенного» и обладающего властью над человеческой жизнью, и далее уменьшая масштаб, приближаясь к сфере «своего», «освоенного» мира культуры: погодные явления, растения, животные, предметы быта и человек. При этом различные тематические блоки, функционируя в рамках единой картины мира, оказываются тесно связанными между собой, что проявляется в том числе и регулярными случаями десакрализующей подмены денотата, когда сакральный денотат загадки заменяется на более профанный.

Астрономические загадки посвящены ограниченному набору энigmatических ситуаций, описывающих небо и движение светил по нему. Реальные признаки денотатов определяют набор ключевых энigmatических признаков светил: *цвет, светоносность, движение, принадлежность к верхнему миру*. Выбор кодов для их загадывания часто диктуется рефлексамии архаичных мифологических представлений.

Основные темы загадок о солнце и луне универсальны: это диск светила на небе, его свет, движение, сравнение двух светил. Однако их реализация в балканских традициях (в новогреческой традиции в частности) обладает определенной спецификой, корни которой могут лежать в сочетании архаических древнегреческих мотивов с балканскими. Одной из наиболее типичных моделей для загадывания диска на небе является универсальная модель *‘что-л. цветное на крыше’, при этом в рассмотренных балканских традициях цвет загадывается с помощью гастрономического кода: ‘масло’, ‘мед’ – для солнца, ‘йогурт’, ‘хлеб’ – для луны. Солнце может загадываться также и с помощью близкой модели, *‘чего-л. цветного хватает на весь мир’, преимущественное использование гастрономического кода сохраняется. В рамках этой же модели может актуализироваться и признак светоносности солнца, широко распространенный в балканославянской энigmatической традиции, и *огненная природа* светил.

В той картине мира, которая реконструируется, исходя из энigmatического материала, Солнце обладает не только реалистическими чертами (солнце светит, источает тепло, оно одно, желтого цвета, расположено на небе), но и целым рядом сверхъестественных признаков: оно всевидяще, обходит весь мир, владеет магическими предметами:

Н αίγια μου ημίταινα, η σιντισιντομίταινα, φορεί πετσίν, φορεί λουρίν, φορεί το петροκούδουно, εφτά θάλασσες έτρεξεν, το πόδι της δεν έβρεξε (ήλιος) 'Козочка моя «μίταινα»¹³, *очень-очень «μίταινα», носит шкуру, носит пояс, носит каменный колокол, семь морей обегала, ноги не замочила (солнце)'* (170.9α').

Соотнесенность Солнца с идеей царской власти, общий высокий сакральный статус денотата свидетельствуют о развитости солярного культа в прошлом. В славянской традиции подчеркивается мотив жертвоприношения, Солнце выступает в роли жертвенного быка, чья смерть (заход) и жертвенная кровь (лучи) необходимы для преодоления хаоса, угрожающего миру на границе двух временных циклов:

Вол заклан на ваја планина, крвта му прсна на таја планина (сонцето), 'Бык забит на этой горе, кровь его брызнула на ту гору (солнце)' (Пенушлиски 1969: 158)¹⁴.

Но как только жертва совершена, хаос побежден порядком, умерщвленное Солнце возрождается вновь, возвращаясь невредимым из царства мертвых:

В загадках Луна равна Солнцу по статусу, будучи сестрой/братом или женой антропоморфизированного Солнца:

Брат и сестра ден и ноќ се бркет и не может да се фтасет (сьнце и месечина),

'Брат и сестра день и ночь гонятся друг за другом и не могут догнать (солнце и луна)' (Каваев 1961: 49)¹⁵;

Луна – пастух, глава и хранитель небесного стада:

Стар овчар - като мръкне, пуца ги, като съмне, запира ги (месецьт и звездите),

'Старый пастух, как темнеет - выпускает их, как утро настанет - запирает (луна и звезды)' (Стойкова 1984: 150).

Выступая вместе в одной загадке, солнце и луна характеризуются

¹³ Значение не установлено. В других вариантах загадки используется эпитет «μίτισσα», который по мнению Лукаса означает 'с маленькими глазами', по мнению же Сакеллариу 'маленькая' (Καψωμένου 2004: 681).

¹⁴ К. Пенушлиски, Пословици и гатанки. Избор и редакција д-р Кирил Пенушлиски. Македонска книга. Скопје, 1969.

¹⁵ Ф. Каваев. Народни пословици и гатанки од Струга и Струшко. Македонски народни умотворби, книга 3. Скопје, 1961.

как обладающие целым рядом схожих признаков. Однако, существенным отличием луны является то, что лунный свет не греет, а также изменение видимой формы луны на небосводе, то есть смена фаз.

Для звезд основными энигматическими признаками являются их *многочисленность, блеск*. Для загадывания используются образы, не только обладающие этими признаками ('гвоздики', 'угольки'), но и подчеркивающие мифопоэтическую связь с идеями плодородия, богатства ('овцы', 'цветы', 'орехи', 'яйца', 'монетки').

В космологической иерархии звезды занимают подчиненное положение по отношению к Солнцу и Луне. Они – овцы под предводительством пастуха-Луны, дети Луны, цветы в небесном саду, чья красота меркнет рядом с красотой двух главных сокровищ этого сада: ароматных плодов (Солнца и Луны). В то же время звезды составляют главное богатство неба: невиданные сокровища, неисчислимы меры зерна, бесконечные стада овец, золотые плоды мирового древа:

Ἐχω μία χρυσομήλια κί εχ' πάν' βρουντόμηλα, την ημέρα τά 'χάνα και τη νύχτα τά 'βρίσκα (ουρανός με τ'άστρα),

'У меня есть золотояблоя, а у нее наверху золотояблоки, днем я их терял, а ночью я их находил (небо со звездами)' (451.10').

Небо может загадываться как 'крыша', 'сосуд', 'луг', 'одеяло' – нечто *твердое*, или, по крайней мере, нечто обладающее *материальной поверхностью*. Во многих текстах небо *металлическое*, что соотносится с архаическими представлениями о небе как о медном гумне¹⁶. Важной характеристикой неба является его цвет, хотя и редко эксплицируемый в новогреческой традиции. Также для неба характерна тесная связь с образом *мирового древа*, нередко выступающего в роли энигматического субститута неба (см. выше).

Небо является антиподом-отражением земли, похожим на нее и не похожим: небо – те же луга, только отличающиеся от лугов этого мира исключительным плодородием, выражаемым признаком полноты. С другой стороны, небо – медный котел, накрывающий землю, реке – море.

¹⁶ Мифотопоним «медный ток/гумно» имеет архаические истоки. Особое значение он получает в болгарской традиции, будучи связанным с идеей центра космоса и отождествляемой с ним «своей державы». Подробнее см. диссертацию Николовой Минковой (*С. Николова Минкова. Българската митопоетична картина за свят в народните гатанки. Дисс. ... «доктор»: 05.04.09. Велико Търново – София. 2008*).

На небесных лугах пасутся овцы-звезды, произрастают избыточные райские сады. В трехчастной структуре космоса небо твердо закреплено за верхним ярусом, небо – крыша мира:

Па ста κεραΐδια μας μια κούλα γάλα (φεγγάρι),
'На нашей крыше чашка молока (луна)' (694.1γ);

Пълн тагар јајца на ферамиди (ѕвезди),

'Полная миска яиц на черепице (звезды)' (Каваев 1961: 382).

В контексте концепции балканской модели мира особое значение приобретает пучок изодокс, вычлняемый на рассмотренном энигматическом материале. Важным балканизмом является модель и образы загадки о «солнце-воре», посвященной пятнам солнечного света на полу. Широко распространено в пределах балканского ареала кодирование цвета светил с помощью гастрономического кода, например, тексты «солнце – порция меда/масла, которой хватит на весь мир». Другие частотные образы: «луна-конь, идущий по пастбищу, но не вредящий звездам-орехам/яйцам», «звезды – орехи/яйца на крыше»; образы 'звезды'-орехи', 'звезды'-яйца', 'небо'-одеяло', 'небо'-крыша', 'небо'-райский сад'.

Особо стоит отметить подобные соответствия, подкрепленные использованием общих балканских лексем и являющиеся, таким образом, частью энигматического *балканского* словаря. Примером такого соответствия может служить лексема, восходящая к греч. «λιβάδι» 'луг, пастбище', используемая для загадывания 'неба' в греческой, балканославянской и албанской традициях. Другими явными балканскими субститутами 'неба' являются лексеммы «κεραΐδια» (греч.) 'черепичная крыша' (см. выше), «tepsi/tapsi» (тур.) 'противень':

Ένα ταψάκι βούτυρο ούλο τον κόσμο αλείβει (ήλιος),

'Один маленький противень масла весь мир маслит (солнце)' (170.2δ),

Една тепџиџа пуна месо (небе и ѕвезди),

'Один противень, полный мяса (небо и ѕвезды)' (Стойкова 1984: 55).

Как видим, набор этих балканских лексем актуализирует ключевые для мифопоэтического образа неба идеи: соотношенность в трехчастной модели мира с миром верхним, металлическую нерушимую природу, связь с мифологемой небесного пастбища душ и райского сада. Для луны балканскими субститутами являются «at» (тур.) 'конь', связанный с целым комплексом архаичных мифологем «неба-пастбища», а также реализующий идею 'движения'; «tepsi/tapsi» (тур.) 'противень', свидетельствующий о небесной, металлической природе Луны, а также передающий идею 'блеска'; «yoğurt» (тур.) 'йогурт' и «riğaç» (тур.)

‘лепешка, род выпечки’, загадывающие цвет луны, но и связанные с идеями плодородия, достатка. Для звезд фиксируется балканский субститут «lule» (алб.) ‘цветы’, опять же приуроченный к мифологеме «неба-пастбища».

Как уже отмечалось выше, особо распространены в балканских астрономических загадках гастрономический код и тематически связанный с ним код предметов быта, а точнее код ‘[кухонной] посуды’. Однако ключевым в загадывании небесных объектов стоит признать пастушеский код, что подтверждается не только его распространённостью в балканских традициях, но и концентрацией тематических, сюжетных и лексических балканизмов в текстах, использующих этот код.

Для календарных загадок наиболее характерно использование универсальных образов, известных многим другим традициям. Основным кодом оказывается числовой. Год, как базовый временной цикл, соотносится с образом мирового древа, помогающего преодолеть природный хаос:

Είναи ένας δέντρους κι εχ' δώδικα κλουνάρια, του κάθι κλουνάρ' εχ' απόу τριάντα φύλλα, του κάθι φύλλου αποу τ'ν μια μερά είνι άспρου, αποу τ'ν алл' маύρου. Τι είνι; (χροнос, μήνες, ημερες),

‘Есть одно дерево, и у него 12 веток, на каждой ветке 30 листьев, каждый лист с одной стороны белый, с другой черный (год, месяцы и дни)’ (750.2α’);

Едно дърво има дванаес клонье, секи клон има по четири гнезда, у секо гнездо по седьм яйца (годината, месеците, седмиците и дните),

‘У одного дерева 12 веток, на каждой ветке по четыре гнезда, в каждом гнезде по семь яиц (год, месяцы, недели и дни)’ (Стойкова 1984: 202);

Загадки о дне и ночи основываются в основном на цветовой оппозиции белый-черный. Используются также такие архаичные образы, как, например, ‘день/ночь’ – ‘ клубок нитей’. Некоторые загадки обыгрывают изменение длины дня и ночи в течение года, а также их постоянное чередование:

Брат и сестра денем и ночью се надварят кой по-дълъг да стане (ден и ноц),

‘Брат и сестра днем и ночью борются, кто выше [букв. длиннее] станет (день и ночь)’ (Стойкова 1984: 157).

Итак, космологические загадки сочетают в себе как указание на реальные признаки денотатов, так и на их мифологические черты. Центральный образ энигматической космогонии - мировое дерево, у

ритуального воплощения которого совершались энигматические поединки во время перехода от одного временного цикла к другому. С тем, что успешное проведение подобных ритуалов призвано обеспечить благосостояние общины в наступающий годовой цикл, можно связать активное использование в космологических загадках гастрономического кода, кода предметов быта, связанных с приготовлением пищи, пастушеского и сельскохозяйственного кодов, связанных с добычей пищи. Важны идеи 'полноты', 'достаточности', 'потенциального начала новой жизни', 'рождения'.

Загадки *о природе* «предостерегают» человека. В них сохраняется универсальный принцип сочетания мифопоэтических мотивов с реальными, широко используются зоо- и антропоморфизация, то есть одушевление природных денотатов.

Мир окружающей неживой природы предстает в загадках опасным, чуждым человеку, что выражается с помощью мотивов дикости и прожорливости. Незнание и странность мира природы, «мира наоборот» по отношению к миру культуры, освоенному человеком, подчеркивается многочисленными парадоксами, с помощью которых описываются денотаты. Наблюдения, на которых базируются подобные парадоксы, нередко содержат в себе полезную с практической точки зрения информацию:

Εκατομμύρια τόννους σηκώνει τσαι 'ολόνι 'εν εστοιχά (θάλασσα),
'Миллионы тонн поднимает и иголку не выдерживает (море)' (176.5β').

Для огненной стихии особое значение получают цветовые характеристики, при этом если на Балканах 'огонь' – 'красный', то у турок чаще 'желтый'.

Некоторые космологические мотивы и тексты проецируются на уровень природы и используются для описания ряда особо отмеченных природных денотатов: 'снега', 'дождя', 'дыма': 'дым' на мифопоэтическом уровне включается в ряд энигматических реализаций мирового древа как центрального элемента космоса и одновременно способа перемещаться между мирами¹⁷, 'снег' принимает в загадке на себя значение и образность, которые изначально, возможно, были связаны с 'дождем' (связь с «верхним миром» и с реконструируемым сюжетом основного мифа)¹⁸. Именно к этим текстам приурочены и

¹⁷ См. стр. 197 диссертации.

¹⁸ Подробнее см. стр. 188–193 диссертации.

лексические энигматические балканизмы (лексема *κόκαλα/κοκαλιје* 'кости'):

Μακρὺς μακρὺς καλόγερος καὶ κόκαλα δὲν ἔχει (κατνός),
'Высокий, высокий монах, а костей нет (дым)' (210.1 β');

Висок Тодор без кокалје (дим),

'Высокий Тодор без костей (дым)' (Пенушлиски: 157).

Растительные загадки призваны прежде всего аккумулировать практические значимые сведения о растениях. В них приводятся основные отличительные признаки растения или его плодов (цвет, форма, текстура), описывается их структура. В то же время, некоторые тексты, посвященные особо важным для Балкан денотатам (таким, как 'гриб', 'гречский орех', 'арбуз'), стремятся соотнести и сопоставить морфологию загадываемого растения со структурой мироздания. Растения и их плоды выступают в таком случае в качестве модели космоса:

Μιά 'κκλησοῦδα μ'ένα ντιρεκοῦδι (μανιτάρι),

'Церковка с одним столбом (гриб)' (349.50');

Имам една црквичка на еден дирек потпрена (печурка, зелька),

'У меня есть одна церковка на один столб опирается (гриб, капуста)' (Каваев 1961: 202).

Балканизмы в загадках о растениях приурочены к текстам о мифологически значимых и актуальных для соответствующих регионов денотатах. Показательно, что лексические балканизмы в растительных загадках выступают чаще всего в роли энигматических субститутов элементов космоса («*direk/στύλος*» как 'мировой столп' в загадках о 'грибе'), в то время как «профаные» энигматические признаки, например, цвет, балканизмы не используют.

При сопоставительном анализе новогреческих, балканославянских, турецких и албанских загадок особое значение в контексте балканской модели мира получает поиск и вычленение потенциальных балканизмов. Б. Сикимич в своей работе¹⁹ выделяет два основных типа балканизмов: экстратекстуальные, связанные с экстралингвистическими балканскими реалиями (например, денотат 'виноград и вино'), и интертекстуальные, которые в свою очередь могут реализовываться на уровне текстов (то есть образов, энигматических моделей) или на уровне языка (синтаксис и лексика). В рамках данной работы особое внимание

¹⁹ B. Sikimić. Ka rekonstrukciji balkanskog teksta // Južnoslovenski filolog LI (1995). 1995.

уделяется лексическим балканизмам, то есть использованию одной и той же лексемы в одной и той же функциональной позиции в загадках разных традиций. Чаще всего подобная позиция в рамках загадки особо отмечена: балканизмы используются в качестве субститутов основного денотата или же его характерного признака. Эти лексемы составляют краткий балканский словарь загадки, включенный в диссертацию в виде Приложения I.

Четвертая глава – «Ареальный анализ новогреческих загадок». Греческая энigmatическая традиция не является однородной, и греческий энigmatический диалектный континуум может быть разделен на 4 основных ареала: северный, южный, кипрский и понтийский. При этом первые два связаны с оппозицией север-юг, а понтийский и кипрский ареалы представляют собой особые энigmatические диалекты-изолаты. Между северным и южным ареалами расположена переходная зона островов Эгейского моря.

В каждом из двух больших ареалов (северном и южном) можно наметить деление на субареалы. В рамках северного ареала выделяется особая контактная зона Македонии и Фракии, в то время как в рамках южного ареала, выделяется своим богатством энigmatическая традиция Крита.

Для загадок Северной Греции характерно большее число схождений с южнославянскими загадками, а также более активное использование балканской лексики в загадках. Яркой языковой особенностью является частотность деминутива –οῦδι, используемого наряду с общегреческим –ἄκι:

Σαράνρα καλοῖρούδια μὲ μαύρα φισοῦδια (σπίρτα),
 ‘Сорок монашков с чёрными фесочками (спички)’ (605.19’).

Для южного энigmatического ареала стоит отметить минимальное число контактных явлений, при этом сам южный энigmatический ареал не однороден и делится на ряд субареалов: пелопонесский (с ионическими островами), эгейский, критский. Загадки островов Эгейского моря (в том числе Эвбеи и лежащих далее к северу островов, включаемых в северный ареал) обнаруживают ряд локальных изодокс, а также разделяют часть северо- и юногреческих, что позволяет говорить об эгейском субареале (в рамках как северного, так и южного ареалов) как о переходной области.

Для Кипрского ареала свойственно сочетание как общих юногреческих, так и ряда собственно кипрских архаических текстов, а

также большее число турцизмов.

Понтийские загадки далеко отстоят от общегреческих, энигматическая традиция Понта формировалась на протяжении долгого времени независимо и обособленно от общегреческой, и испытала существенное турецкое влияние. В то же время, некоторое количество изодокс сближает понтийские загадки и загадки севера балканской Греции. Яркой языковой чертой понтийских загадок является использование уменьшительно-ласкательного суффикса –*όλ*-, последовательно замещающего общегреческий –*άκι*.

В Заключении подводятся итоги работы и приводятся общие выводы исследования:

- Структура новогреческих, балканославянских и турецких загадок соответствует универсальным моделям, разработанным для фольклорной загадки;
- Текст загадки строго структурирован, преобладают ритмически организованные тексты, может использоваться рифма, в том числе и архаичная рифма субститут – денотат.
- Образы новогреческой загадки являются синтетическими, сочетающими реальные черты с мифопоэтическими. Из реальных признаков денотатов загадка чаще всего использует цвет, форму, структуру, реже - практическое значение.
- Мифопоэтические образы новогреческой загадки возводимы к архаичным мифологемам, описывающим структуру космоса. Конкретные истоки образов могут быть различны: универсалии и общиндоевропейские образы, балканизмы (разделяемые с балканославянскими энигматическими традициями), ближневосточные заимствования (нередко являющиеся балканизмами), новогреческие инновации.
- Структура энигматического макротекста как греческой с одной стороны, так и болгарской и македонской традиций с другой неоднородна, различные тематические блоки загадок тяготеют к различным сюжетным моделям, выделяющим аксиологически важные признаки денотата. Для астрономических загадок это сочетание реалистических и мифологических признаков, для загадок о природе – ‘чуждость’ и ‘потенциальная опасность’, для загадок о растениях – отличительные признаки, позволяющие опознать растение. Различные тематические блоки тяготеют также к более или менее частому использованию

различных кодов, например, цветовой и числовой коды важнее других для астрономических и растительных загадок. В то же время особо отмеченные космологические мотивы могут проецироваться на другие тематические уровни и реализовываться в загадках о ключевых денотатах неживой природы и флоры.

- Греческо-славянские схождения и балканизмы выделяются для новогреческой загадки на всех уровнях: сюжетных моделей, образности, языка (в т. ч. лексики). Балканские образы могут иметь различное происхождение, выделяются как балканские варианты универсалий, так и балканские инновации, в том числе под турецким/восточным влиянием.
- Балканский энигматический словарь, составленный из лексических балканизмов в текстах загадок, включает в себя в основном лексемы двух исторически «престижных» в балканском этнокультурном пространстве языков, турецкого и греческого, и описывает основные мифопоэтические элементы космоса на разных тематических уровнях.
- Ареальный анализ показывает неоднородность новогреческой энигматической традиции, в которой можно выделить ряд ареалов, коррелирующих с основным диалектным членением новогреческого языка: северный ареал, южный ареал, кипрский ареал и понтийский ареал. Первые два ареала градиентно переходят друг в друга по оси север-юг и разделяются переходной зоной островов Эгейского моря. Понтийский и кипрский ареалы представляют собой особые энигматические диалекты-изоляты.

Итак, основными результатами работы являются: анализ структуры новогреческой загадки, синтеза энигматического текста; анализ образов новогреческой загадки, выделение энигматических балканизмов на основании сопоставления с балканославянскими и турецкими традициями; опыт составления балканского энигматического словаря; опыт картографирования греческой энигматической традиции.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- в изданиях по списку ВАК РФ:

1. *Тунин А.Е.* Новогреческие загадки о солнце: античные, балканские и славянские мотивы // Славянский альманах 2011. С. 378–396. [№ 1732]
2. *Тунин А.Е.* Балканистика в Москве и Санкт-Петербурге сегодня: общее и различное // Славяноведение. №1, 2012. С. 117–122. [№ 1731]
3. *Тунин А.Е.* Круглый стол «Цветница. Duminica floriilor. Ваутокѳриакѳ. Diela e lulevet...: Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале» // Антропологический форум. № 14 Online, 2011. [Соавт. *М.М. Макарецев, С.А. Сиднева*]. [№ 60]
4. *Тунин А.Е.* Круглый стол «Цветница. Duminica floriilor. Ваутокѳриакѳ. Diela e lulevet...: Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале» // Вопросы языкознания. № 3, 2011. С. 145–147. [Соавт. *М.М. Макарецев, С.А. Сиднева*]. [№ 634]

- в других научных изданиях:

5. *Тунин А.Е.* Цветовой код в новогреческих загадках // Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения II. Тезисы и материалы. М., 2011. С. 66–70.
6. *Тунин А.Е.* «Растительные» загадки новогреческой традиции // IX Конгресс этнографов и антропологов России (г. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.). Тезисы. Петрозаводск, 2011. С. 519–520.

Подписано в печать 12.04.2012 г.

Объем 1,0 п.л. Тираж 100 экз.

Компьютерный центр ИСл РАН

